

— Дяденька полицейский, сегодня в кинотеатре ты был таким классным! Выглядишь гораздо сексуальнее, чем все эти штампы из нашего круга!

Ло Си отхлебнул кофе. Он заметил, что лицо Фу Синьдуна помрачнело, но не зная причины, решил подразнить его.

Фу Синьдун лишь фыркнул, не ответив ни слова.

Уголок губ Ло Си слегка приподнялся. Он привстал, чтобы подлить Фу Синьдуну кофе, и поясное полотенце нечаянно приподнялось. Две крепкие стройные ноги на миг обнажились, слегка покачиваясь под тканью, и сквозь неё угадывался тёмный пучок волос у самого основания бедра.

Фу Синьдун почувствовал, как в глубине горла мгновенно вспыхнул огонь.

Он знал о своей симпатии к Ло Си.

Называйте это поверхностным влечением или мужской натурой, возбуждающейся от внешности, но с того момента, как в самолёте они оказались в плотных объятиях, этот парень с красивым лицом, ленивым голосом и соблазнительным взглядом незаметно похитил его душу.

Особенно после того, как он узнал, что за весёлой и живой наружностью скрывается одинокая история сироты, сердце его стало ещё мягче, а симпатия — неудержимой.

Да, в этом мире чувства и судьбы между людьми редко следуют какой-то логике или правилам. Особенно когда речь идёт о чувствах между мужчинами. Слишком часто движут ими дофамин, адреналин и гормоны: всё начинается с визуальной симпатии, проникает под кожу, в кости, медленно оседает и бродит, пока не достигнет самого сердца.

И поэтому сейчас две ноги Ло Си под полотенцем заставили адреналин офицера Фу взлететь до предела.

Он чувствовал себя зверем в клетке, готовым в любую секунду вырваться наружу. Неважно, насколько упрям был этот мужчина, он хотел силой своей ещё более твёрдой полицейской дубинки заставить его раскрыть рот и наполнить его, заставив покориться своему мощному телу, подобному горе.

К тому же, он верил в свою интуицию criminologist: этот мужчина, должно быть, тоже питал к нему симпатию.

— Дяденька полицейский, скажи по правде, ты сейчас чувствуешь себя особенно... возбуждённым?

Голос Ло Си, низкий и ленивый, сорвался с приподнятых уголков губ.

— Да... очень возбуждён.

Фу Синьдун не понимал, что кроется за этим вопросом, он знал лишь одно: глядя сейчас на его затуманенный взгляд и слушая этот ленивый голос, всё его тело, за исключением одного места, ставшего каменным, казалось, превратилось в желе.

— Хе-хей, я так и думал. Смотреть кино с такой красивой девушкой, обнимая её за руку, тиская талию — если бы не возбудился, то был бы не мужиком.

Внезапно голос Ло Си изменился: лень и низкие нотки сменились звонкой игривостью.

— Брат Фу, скажу честно, та девушка реально красивая, с хорошей аурой. Вы двое выглядели так, будто созданы друг для друга!

Чашка с остатками кофе была резко поднята крупной рукой и залпом опрокинута в рот.

Густая жидкость текла по горлу, гася огонь в животе.

Фу Синьдун резко встал.

— Созданы друг для друга? Чушь собачья!

Длинные ноги всего в двух шагах перенесли его от дивана к двери.

Ло Си замер. Уголки губ ещё не успели опуститься, на лице застыло лукавое выражение, но в глазах уже читалось и сожаление, и неловкость.

Он вскочил, чтобы догнать его, шаг был слишком широким, и уже слегка сползающее полотенце соскользнуло вниз, обнажив татуировку на талии.

Фу Синьдун остановился, обернулся и посмотрел на парня, который слегка растерялся. Он нахмурил брови: на татуировке Ло Си он увидел новый, кроваво-красный узор.

— Фу...

Ло Си вдруг не нашёл слов для мужчины, который явно кипел от гнева.

— Слушай! Та девушка была просто на свидании вслепую, от которого я не мог отказаться. Она мне не нравится. Не то чтобы я не люблю её, я вообще не люблю никаких женщин! Но запомни одно: человек, который нравится мне, Фу Синьдуну, сегодня вечером находился в том кинотеатре. Кто он — догадывайся сам!

Сбросив эти слова, офицер Фу развернулся и вышел, хлопнув дверью.

В комнате, лишившейся крупного мужского присутствия, пространство вдруг казалось больше и пустынное.

Аромат ночного фиалка всё ещё витал в воздухе, опьяняя в эту раннюю весеннюю ночь.

Ло Си провёл ладонью по татуировке на боку. Там слегка зудело. Он нежно почесал кожу, чёрные глаза устремились на белые лепестки, источающие аромат. Долго он молчал.

Фу Синьдун, уже устроившись за рулём, всё ещё не мог успокоить сердце.

Что это было? Признание?

Если это признание, то почему он не осмелился услышать ответ, а вместо этого сбежал из квартиры Ло Си, словно побеждённый?

Да, после того как он в порыве азарта и жара в груди выдал всё это, Фу Синьдун, который не испугался даже тогда, когда пуля прострелила ему правую грудь, вдруг по-настоящему испугался.

Он боялся увидеть, как тот парень слегка улыбнётся ему и холодно произнесёт:

— Извини, дяденька полицейский, тебе не нравятся девчонки, а мне они нравятся.

Ещё больше он боялся, что тот посмотрит на него с насмешкой:

— Да, я люблю мужчин, но как я могу полюбить тебя!

— Чёрт!

Фу Синьдун выругался сквозь зубы, проклиная самого себя.

Это, блин, натура мужика, которому не хватает любви? Признался так признался. Любит — любит, не любит — идёт к чёрту! Фу Синьдун, ты сейчас выглядишь как самобичующаяся баба, ты это понимаешь?

В ярости на себя самого Фу Синьдун вдавил педаль газа в пол на пустых ночных улицах.

Машина помчалась к дому. Вот уже показался огромный парк. Деревья по обочине в ночной темноте казались разодетыми ведьмами, покачивающими бёдрами и тянущими длинные руки, чтобы соблазнить идущих ночью.

Машина остановилась у переулка сбоку от парка. Проехав этот светофор, можно было выехать на большую дорогу домой.

Фу Синьдун по привычке опустил стекло и закурил.

Едва сизый дым вырвался из окна, как в тени кустов парка мелькнул луч света.

Выпустив дым, Фу Синьдун инстинктивно откинулся назад и глубоко выдохнул.

Пуля влетела в открытое левое окно, едва не задев кончик его носа, и вылетела через правое.

Выстрел грянул, и оконное стекло мгновенно разлетелось, как фейерверк.

...

В маленьком зале совещаний Управления общественной безопасности Цзинбэя начальник управления, господин Цзинь, только что вернувшийся из командировки, сидел с мрачным лицом.

Меньше чем за месяц в Цзинбэе произошло три убийства с проникновением в жилище, погибло четверо, и тела всех были изувечены, включая бывшего комиссара полиции в отставке. А теперь действующий капитан уголовного розыска, начальник отдела тяжких преступлений, был обстрелян по дороге домой. Что за чертовщина происходит?

Как выразился начальник Цзинь в порыве гнева:

— Кто-то уже гадит нам на шею, и если мы не поймаем убийцу, это дерьмо нам придётся проглотить!

Повисла тишина. Лицо начальника Цзиня смягчилось.

— Всем нужно собраться с духом. Сегодняшнее нападение на Синьдуна стало для нас всех

сигналом тревоги. Неважно, есть ли связь с серийными убийствами, мы должны понимать: кто-то уже взял на прицел наших сотрудников! Сегодня посмели стрелять в него, а завтра кому-нибудь могут кинуть бомбу! Но, с другой стороны, раз мы выбрали эту стезю, мы не поверим в эту нечисть! Посметь враждовать с народной полицией — надо иметь медвежью смелость!

Произнеся речь для поднятия духа, начальник, вопреки обыкновению, не ушёл, а остался лично участвовать в анализе деталей расследования.

На большом экране начали воспроизводить записи с камер наблюдения с трёх мест происшествий. Хотя все присутствующие уже смотрели их много раз, сегодня решили посмотреть каждый кадр ещё раз.

— Сначала включите запись с района Короля старья! — распорядился Фу Синьдун, обращаясь к Линь Фаню.

Запись проигрывалась некоторое время, и когда появился определённый кадр, Фу Синьдун подал знак остановить.

<http://bllate.org/book/16694/1532921>